

В НОВОМ, только что открывшемся сезоне, впрочем, так же, как и в сезонах предыдущих, опять и опять мы должны решать репертурную проблему. Самый насущный вопрос для нашего театра, да и, думаю, не только для нашего, — современная пьеса. Мы хотим ставить спектакли о современности и современниках, мы ищем новые пьесы. На-

ня. Мне хочется высказать о них свое суждение не как критику и теоретика, а как практическому работнику театра.

Да, мы мечтаем о современной высокохудожественной пьесе. И когда мы думаем о том, как достучаться до сердец зрителей, неизбежно приходим к выводу, что только пьеса с ярко выписанными характерами, пьеса, несущая глубокую мысль, касающаяся самых насущных вопросов жизни, способна затронуть зрителей, обогатить их.

Беда многих драматических произведений в том, что они только на первый взгляд современны, посвящены важным темам, а на самом деле лишь бегло, поверхностно и крайне схема-

живой и многогранный образ, в сложном единстве порой противоречивых качеств. Это не значит, что он должен быть пессимистом или же только оптимистом, нет, конечно. Пусть он предстанет перед зрителем натурой многогранной, но отнюдь не ущербной — таким, каким умели рисовать человека своего времени Островский, Чехов, Горький.

Кстати, заговорив о классической драматургии, хочу заметить, что, по моему глубокому убеждению, классика в нашем театре еще не заняла подобающего места. И это жаль... Мне приходилось выступать в качестве режиссера, однако я не решилась бы давать рецепты, как ставить классику

другой, и актер другой. Когда-то Константин Сергеевич говорил великолепной актрисе Гзовской: «У вас слишком хорошая дикция». Что имел в виду Станиславский? По всей вероятности, то, что она, да и другие актеры старшего поколения, имели обыкновение растягивать слова, зачастую выделять их без особой надобности. И вот это-то не устраивало Константина Сергеевича, который старался сделать речь актера естественной. Современные режиссеры тоже ищут такое произношение, которое не резало бы слух зрителей излишней пышностью, ненужным пафосом. И эти поиски оправданны.

Непонятно только, почему в иных театрах актеры не произносят текст, а шепчут или бормочут. У зрителя, который едва слышит актера, это вызывает раздражение. Слово — великая вещь в драматургии. Вряд ли надо пренебрегать истиной, что зрителю, где бы он ни сидел, должно быть и хорошо видно, и хорошо слышно.

Конечно, у современного актера новые темы, новые характеры, он и играть должен по-новому. Как? Рецептов у меня нет. Многое зависит от драматурга, от постановщика... А если хотите, то и от театрального зала, помещения тоже. Сейчас вступают в строй новые театры со зрительными залами, рассчитанными на огромную аудиторию. Интимный, камерный спектакль не сыграешь в громадном зале или на цирковой площадке. Мне видятся на сценах таких театров масштабные произведения о самых значительных событиях нашего века. А обычные пьесы по-прежнему будут идти в обычных помещениях. Уж на что мастер своего дела Сергей Образцов, а попробуйте выпустить его на большое пространство, весь эффект пропадет! Размеры помещения должны помогать, а не мешать актерам.

И последнее: современный актер не довольствуется работой только в театре, он играет на телевидении, снимается в кино, участвует в радиопередачах. Но все это разные вещи, и актер сам для себя должен определить, что же для него главное. А то ведь недолго все, чему учился, и все, что умел в театре, растерять... Кино, например, может дать актеру очень много полезного. Я люблю кино, снимаюсь охотно. Но нужно быть осмотрительным. Я понимаю: жизнь актера театра гораздо скромнее, чем актера кино, и кино манит молодежь. По-моему, самый большой вред происходит в том случае, когда молодой театральный актер, снявшись в одной-двух картинах, становится «знаменитым». Беру это слово в кавычки, потому что, увы, очень часто секрет успеха прост: такой-то актер или такая-то актриса по своим внешним данным подошли режиссеру для создания определенного типажа. Проснувшись на другой день после выхода фильма на экраны, такой «знаменитости» нужно, чтобы голова не пошла кругом, подавить в себе честолюбие и пойти как ни в чем не бывало в театр на репетицию.

Софья ГИАЦИНТОВА,

народная артистка СССР

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО СЕРДЦА ЗРИТЕЛЯ

тично касаются этих тем. Очень часто авторы декларируют идеи, совершенно не заботясь о художественности образов, о том, чтобы убеждения героя раскрывались в поступках, в действиях, а не только на словах. Видно, что драматурги плохо еще изучили наших людей, чьи характеры сложны, порой противоречивы, причем в самих этих противоречиях нередко отражаются конфликты века.

Театр, к сожалению, тоже затронуло повальное увлечение детективами. Чтобы не показаться ханжой, скажу: и я люблю иногда почитать подобные книги, например романы Жюль Верна, но мне претит заигрывание некоторых театров с молодыми зрителями через посредничество детективных пьес, где, кроме ловко закрученной интриги, ровным счетом ничего нет. Персонажи выглядят в них плоскими, однозначными. Чему же они могут научить зрителя?

Не говорю уже о том, что участие в такого рода пьесах не приносит добра и актерам. Малохудожественная пьеса способна не только скомпрометировать большую тему, дезориентировать зрителей, но и навредить актерам. Мы портим вкусы молодых зрителей, пришедших в театр, мы портим молодых актеров, тормозим их рост, поручая им роли хоть и разных по именам людей, но всегда одинаково неглубоких.

Как же заставить зрительный зал поверить в происходящее на сцене? Думаю, только одним способом: герой пьесы, наш современник, должен открываться зрителям как

сегодня. Знаю одно: классика — не мертвый капитал, она живет и нужна сегодняшним зрителям. Есть, видимо, такие произведения, которые сейчас, в данный момент, ставить не следует, ибо отклика в сердцах зрителей они не найдут. Но для того, чтобы классика прозвучала со сцены свежо и современно, чтобы она стала насущно необходимой нам, нужно знать, что именно сейчас следует ставить и как ставить.

Мне непонятно холодно-почтительное отношение к такому замечательному явлению, как учение Станиславского. Константин Сергеевич и то, что мы именуем его «системой», живет. Более того, сейчас, на мой взгляд, он как никогда необходим всем нам. Станиславский необычайно чутко воспринимал требования времени и умел откликаться на этот зов совершенными спектаклями, современными и классическими, где мысль художника находила идеальное воплощение. А если «дорабатывать» и «дописывать» классику, то, естественно, ничего хорошего из этого выйти не может. В таких случаях классическая пьеса мстит за себя. Хочу привести и другой пример. Мне очень нравится спектакль «Мещане», поставленный Г. Товстоноговым на сцене БДТ. Очень жаль, что таких спектаклей мало.

И еще одно достоинство есть у классической пьесы. Она — богатейшая школа для актера. Не скрою: я яростная поклонница старого МХАТа. Для меня это живое, изумительное и прекрасное явление.

Верно: зритель теперь

ходим ли то, что ищем? К сожалению, очень редко. Лично я как о большом творческом счастье вспоминаю о роли Марии Александровны Ульяновой в пьесе «Семья» И. Попова. Другой работой, принесшей мне глубокое удовлетворение, считаю роль Марьи Львовны Полежаевой в пьесе «Беспощадная старость» Л. Рахманова, идущей сейчас на сцене Театра имени Ленинского комсомола.

Мне могут сказать, что в этих спектаклях речь идет о событиях, отдаленных от наших дней, а как же современность? Насколько мне известно, в планах нашего театра — инсценировка «Отверженных» В. Гюго к столетию Парижской коммуны, «Гроза» А. Н. Островского, пьеса «Лабиринт» А. Софронова о Вьетнаме, над которой идет сейчас работа. Иными словами, только одна вещь посвящена жгучей проблеме современности. И напрашивается вопрос: чем объяснить такой перекосяк в репертуаре? Может быть, в Театре имени Ленинского комсомола забыли о главном зрителе — о молодежи? Может быть, и молодых актеров на роли молодых героев нашего времени не стало? Нет, конечно же, это не так.

В дискуссии, развернувшейся сейчас на страницах «Литературной газеты» о герое драматургии, уже затрагивались многие вопросы, которые волнуют и ме-